

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ*

Петраков Н.Я.

(Москва)

Проводится анализ состояния российской экономики, исследуются основные направления деятельности правительства по сокращению бюджетного дефицита, предлагаются пути оздоровления экономики, стабилизации денежной системы.

1. НЕОПРАВДАВШИЕСЯ ОЖИДАНИЯ ПЕРВЫХ ШАГОВ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

После долгого топтания на месте правительства Н.И. Рыжкова и полуреформ В.С. Павлова Б.Н. Ельцин решил сделать ставку на "крутых ребят" — команду Е.Т. Гайдара. Схема гайдаровских реформ является попыткой возможно точнее скопировать польский вариант шокотерапии. В основе этой схемы — освобождение цен как ключ к ликвидации бюджетного дефицита, стабилизации денежной системы и конвертируемости рубля, структурной перестройке экономики. Это уже не ключ, а универсальная волшебная отмычка ко всем экономическим замкам.

Сейчас становится очевидным, что расчеты молодых российских реформаторов-теоретиков не оправдываются.

Во-первых, скачок цен оказался существенно выше, чем предполагал вице-премьер Е.Т. Гайдар. Он рассчитывал на то, что в январе-феврале цены возрастут в 2,5–3 раза. В первый месяц был типичным рост цен в 10 раз.

Во-вторых, правительство России полагало, что вслед за ростом цен резко возрастет товарное предложение и магазины наполнятся. Эти надежды основывались на следующем. Правительство за два месяца объявило о предстоящей либерализации цен и рассчитывало, что производители и торговля будут создавать запасы. Кроме того, была надежда на быстрое оживление деловой активности во всех сферах и прежде всего в производстве, а также на сокращение платежеспособного спроса.

Оправдался только последний момент. Платежеспособность значительной части населения резко упала, резко пошел вниз уровень жизни. Среднедушевой доход у основной массы российского населения после всех дополнительных выплат, объявленных и введенных до либерализации цен, составил к началу второго месяца реформ 400–650 руб. в месяц (эта группа охватывает 96,2 млн. чел. из 148 млн. проживающих на территории Российской Федерации). К этому же времени стоимость минимальной потребительской корзины достигла 920 руб. в месяц.

*В основе публикуемых в данном выпуске журнала статей академика Н.Я. Петракова, профессоров В.Д. Белкина, В.Е. Маневича, В.Г. Стародубовского — доклады, сделанные ими 10 декабря 1991 г. на Всесоюзной научно-практической конференции "Рынок в СССР: современный этап и перспективы". Конференция была организована Российской Академией наук, Отделением экономики РАН, Институтом проблем рынка, ЦЭМИ. Научным советом РАН по проблемам хозяйственного расчета и самофинансирования предприятий. Статьи содержат немало дискуссионных постановок. Редакция приглашает читателей принять участие в их обсуждении на страницах журнала.

Оставив более двух третей населения за чертой бедности, российское правительство не сумело сбалансировать рынок. Парадокс? Нет. Фетишизируя польский опыт, молодые реформаторы не учли конкретную ситуацию своей страны, ее специфику даже по сравнению со славянской и бывшей социалистической Польшей.

Только фантастической экономической близорукостью можно объяснить игнорирование, как минимум, трех существенных различий между предреформенной Польшей и Россией. *Первое.* Польша всегда имела мощный частный сектор, охватывающий практически все сельское хозяйство, а также мелкий бизнес и сферу услуг. Поэтому либерализация цен в этой стране явилась эффективным стимулом быстрого роста деловой активности в этом секторе, а следовательно, насыщения рынка. *Второе.* В польской экономике никогда не существовало такого монстра как ВПК. Военно-промышленный комплекс России не только поглощает огромное количество природных и людских ресурсов, но он требует специальных централизованных усилий и главное — времени для переориентации на рыночные формы хозяйствования. Либерализация цен и предоставление свободы действий предприятиям этого комплекса — заведомый тупик, создающий взрывоопасную ситуацию именно на первых этапах рыночных реформ. Чем сильнее государство сокращает финансирование инвестиций в военно-промышленный комплекс, тем большее влияние должно оно оказывать на процессы конверсии, изменения каналов сбыта военной продукции, на обеспечение социальных гарантий работникам. *Третье.* Польша в течение не менее двух десятков лет жила в условиях той самой "долларизации", которую как огня боятся наши реформаторы. Такому положению способствовало множество факторов, включая и многочисленную польскую диаспору, и более либеральный облик польского социализма. Важно, что реформы Балцеровича по укреплению злотаго осуществлялись на фоне довольно широкого и легального обращения параллельной валюты. Похоже, что этот момент совсем игнорируется при решении тактических задач стабилизации потребительского рынка в России. Чего, в частности, стоят импровизации внешнеэкономического ведомства России, объявляющего то о запрете с 1 июля валютных магазинов, то об организации при каждом из них с 1 февраля (!) обменных пунктов, где каждый гражданин СНГ (?) может без ограничений менять рубли на доллары по рыночному курсу.

Подводя итог сопоставлениям нашей и польской ситуации, хочу напомнить, что злотый выступал в качестве платежного средства только на территории Польши (что естественно). Но иррациональность нашей жизни как раз в том, что рублевая зона охватывает не только Россию, не только СНГ, но также Прибалтику и Грузию. Мир такого не знал. Но наши реформаторы знают, а следовательно, не имеют права не учитывать этого факта в своих моделях.

Объективная невозможность осуществить польский вариант реформ при страстном субъективном желании это сделать привела к поразительному, но логичному результату: на деле воспроизводится ситуация, которую хотел реализовать В.С. Павлов. Поставив приватизацию государственной собственности на второе место, нынешнее правительство свело либерализацию цен к легальной государственной монополии на их установление. Руководители государственных, кооперативных и частных предприятий, торговцы, население — все понимают, что при сохранении государственной монополии (а государственный сектор в промышленности составляет 92%, в сельском хозяйстве — 85%, на транспорте — 99%) цены будут только расти. Нет конкуренции — нет мотивации для снижения, или хотя бы стабилизации цен.

Правительство явно недооценило степень монополизма российской экономики. Реформу сейчас может спасти быстрая приватизация и демополизация в промышленности, аграрная реформа, предполагающая введение частной собственности на землю, и либерализация налогового законодательства.

Но есть еще один не менее важный вопрос: монетарная политика. Никакие рыночные реформы невозможны, если правительство и центральный банк не поддерживают доверия к национальной валюте. К сожалению, российское правительство работает в обстановке, когда оно не контролирует процессы, происходящие в сфере денежного обращения. Попытки сформировать бездефицитный бюджет наталкиваются на неразрешимые

в краткосрочной перспективе проблемы. Главными среди них являются две: 1) социальные программы, на выполнении которых настаивают парламент России и профсоюзы, и 2) финансирование военно-промышленного комплекса. В решении последней проблемы правительство проявило большую твердость. Инвестиции в военную сферу практически прекращены, и государственные заказы на закупку военной техники сведены до минимума. Однако остается проблема выплаты заработной платы или пособий по безработице нескольким миллионам работников военно-промышленного комплекса. В ближайшие месяцы правительство не сможет отмахнуться от этого вопроса, а следовательно, и не сможет отказаться от услуг печатного станка.

Формирование разумной монетарной политики наталкивается еще на одно серьезное препятствие, которое демонстративно игнорировало нынешнее правительство России при подготовке реформы и на ее первых стадиях. Новые государства, образовавшиеся на месте СССР, не хотят сотрудничать с Россией в сфере стабилизации рубля. Это проявляется в позиции не только Украины, которая по существу активно проводит самостоятельную денежную реформу, но и в поведении республик Прибалтики, Белоруссии, Татарстана, ограничивающих в разных формах использование рубля как единого платежного средства.

Один из главных вопросов, обсуждающихся в настоящее время в парламенте России, в политических кругах, средствах массовой информации: насколько долго удержится нынешнее правительство России? Ответить на него сложно. Многое зависит от позиции президента России Б.Н. Ельцина. Но и он вынужден в этой сложной ситуации маневрировать. Результаты этих политических маневров мы узнаем в ближайшие недели. Естественно, что это будут маневры в высшем эшелоне власти, поскольку правительство в своей политике не опирается на определенные социальные слои общества. Инфляция отгораживает правительство от интеллектуальных кругов общества, поскольку ученые, врачи, преподаватели школ и высших учебных заведений первыми ощутили удар повышения цен, некомпенсируемый увеличением доходов. Предприниматели жалуются на тяжесть налогов. Крестьяне не видят реальных шагов в области аграрной реформы. Рабочие считают, что единственный способ воздействия на правительство — угроза забастовки. Таким образом, у правительства нет твердой социальной опоры. Чтобы удержаться у власти, оно должно для себя решить: в чьих интересах оно проводит реформы?

II. АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Специфика экономики бывшего Советского Союза, помимо постоянно отмечавшегося централизма, гипертрофии государственного сектора отличалась также и совершенно своеобразной формой проявления инфляции. Советскую форму инфляции (наблюдавшуюся, впрочем, и в странах-сателлитах СССР) окрестили термином "скрытая" или "подавленная", что лишний раз свидетельствует о могуществе большевистской политической доктрины, которая переносила присущие ей черты и на сферы, примыкающие к политике (экономика, культура и т.п.). По данным за годы, предшествующие появлению на политической арене М.С. Горбачева (1971–1985 гг.), количество наличных денег возросло в 3,1 раза, вклады населения в сберегательные кассы — в 5,2. За тот же период производство потребительских товаров всего лишь удвоилось. По свидетельствам ряда специалистов, работавших в тот период в Госбанке СССР и Министерстве финансов СССР, с 1968 г. вошло в практику скрытое предоставление Госбанком СССР безвозвратных кредитов Министерству финансов СССР. К 1985 г. дефицит государственного бюджета уже достиг 18–20 млрд. руб.

Перед М.С. Горбачевым, пришедшим к власти в апреле 1985 г., встала сложная проблема укрепления экономики. Отражением ее кризиса был скрываемый от советской общественности, но известный М.С. Горбачеву бюджетный дефицит, сырьевая гипертрофия экспорта, сопровождавшаяся начавшимся падением добычи нефти и мировых цен на нее. Последнее обстоятельство играло особую роль, поскольку выручка от продажи нефти служила главным источником закупок зерна и многих продоволь-

Количество наличных денег в обращении, млрд. руб.

Годы	Наличные деньги на 1 января соответствующего года	Прирост по сравнению с предыдущим годом
1980	49,2	—
1981	52,6	3,4
1982	53,5	0,9
1983	57,2	3,7
1984	нет сведений	—
1985	66,4	—
1986	70,5	4,1
1987	74,8	4,3
1988	80,6	5,8
1989	91,6	11,0
1990	109,5	17,9
1991	136,1	26,6
1992*	260,0–270,0	123,9–133,9

*Оценка.

ственных товаров. Таким иррациональным способом поддерживался миф о жизнеспособности коллективного сельскохозяйственного производства, да и социализма вообще.

Однако реформаторство долго обходило стороной экономическую сферу. Теперь уже каждому ясно, что политические реформы М.С. Горбачева внутри страны (здесь я исключаю его великое реформаторство в области мировой политики) оказались колоссом на глиняных ногах. Постоянный страх политической реставрации, раздувание региональными властями до невероятных размеров своих политических амбиций — все это результат отсутствия в обществе мощной прослойки частных собственников. М.С. Горбачев не был готов к созданию такого социального слоя. Поэтому он оставил в наследство нынешнему руководству страны экономический кризис и политический хаос.

Однако вернемся к денежной системе как показателю развития экономического кризиса. Для характеристики состояния денежной системы приведем динамику наличной денежной массы за последние двенадцать лет.

Как видно из табл. 1, угрожающее нарастание денежной массы началось с 1988 г., когда Н.И. Рыжков приступил к своим так называемым рыночным реформам. Первое, за что он взялся, — это за печатный станок, а не за ликвидацию государственной собственности и не за сокращение военно-промышленного комплекса. Хотя успехи политики нового мышления, провозглашенной М.С. Горбачевым на мировой арене, создали все предпосылки для конверсии. Но Н.И. Рыжков представлял именно военно-промышленный комплекс, который рассматривал международную разрядку как передышку в гонке вооружений и возможность получения западных кредитов для закупки технологий, на создание которых уже не была способна лишенная предпринимательских стимулов промышленная система СССР.

Дальше возник "эффект снежной лавины": в 1988 г. прирост наличной денежной массы — 13,6%, в 1989 г. — 19,5%, в 1990 г. — 24,3%. И, наконец, усилиями В.С. Павлова и пришедших к власти в конце августа демократов наличная денежная масса 1991 г. практически удвоилась.

Эта эмиссионная вакханалия происходила на фоне резкого падения производства. Произведенный чистый национальный продукт снизился в 1991 г. на 11%. В такой же пропорции снизилась добыча нефти, угля. Синтетические волокна — спад на 22%, продукция лесной промышленности — на 14%, а целлюлозы — на 21%. Но главное, что при-

мо воздействует на состояние потребительского рынка — это снижение производства в легкой и пищевой промышленности на 10–15%.

Не удивительно, что в такой ситуации усилился постоянно существовавший в советской экономике дисбаланс между денежными доходами и расходами населения. Превышение доходов населения над расходами достигло в 1991 г. 24% (около 300 млрд. руб.). Для сравнения можно напомнить, что в 1990 г. эта величина составляла 12%.

Денежные доходы населения оценивались к концу 1991 г. в сумме примерно 1250 млрд. руб., т.е. в 1,9 раза выше, чем в 1990 г.

Аналогичная разбалансированность имела место не только в потребительском секторе и в наличном денежном обороте. Серьезные нарушения денежного обращения имели место во всем народном хозяйстве. Наличный денежный оборот составляет лишь 15% от совокупного. Наряду с эмиссией наличных денег осуществляется также и безналичная кредитная эмиссия, которая собственно и определяет общее состояние денежной системы, включая ее банкнотную составляющую. Совокупная денежная масса (наличные и безналичные деньги) достигла к концу 1991 г. 1,8 трлн. руб.

Характеризуя общее состояние экономической системы накануне реформ российского правительства, нельзя не отметить и размеры бюджетного дефицита. По расчетам самого правительства, реальный дефицит российского бюджета в 1991 г. составлял 108,4 млрд. руб. При этом следует отметить, что его доходная часть была определена при утверждении в Верховном Совете Российской Федерации в сумме 149,8 млрд. руб. Однако события августа 1991 г. привели в конечном счете к тому, что Россия взяла на себя ряд функций, которые прежде должно было выполнять руководство СССР. Это обстоятельство существенно сказалось на структуре и объемах доходной и расходной части бюджета России. Практически российский бюджет принял на себя почти все расходы бывшего СССР, овладев, правда, и доходной частью союзного бюджета. Но это была пиррова победа.

III. ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В ОБЛАСТИ ДЕНЕЖНОГО И ФИНАНСОВОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ

Основная задача, которую поставило перед собой правительство Е.Т. Гайдара, заключалась в резком сокращении бюджетного дефицита. Для ее решения были избраны четыре главных направления.

Первое, не вызывающее никаких возражений ни в одной стране, — сокращение административных расходов. Однако в чисто количественном выражении сумма экономии по этой статье не могла сделать погоды. Уменьшение расходов на государственный аппарат даже вдвое дает снижение общей суммы бюджетных расходов не более полутора процентов.

Поэтому правительство избрало в качестве главного направления сокращения бюджетных расходов *второй* путь — резкое сокращение военных расходов. Это, безусловно, правильно, учитывая супермилитаризацию экономики бывшего Советского Союза. Естественно, что основную часть военных расходов как на содержание армии, так и на разработку и выпуск военной техники всегда несла Россия.

Необходимо отметить, что выбор этого пути как главного свидетельствует о мужестве Б.Н. Ельцина, поскольку военно-промышленный комплекс охватывает интересы значительных по размеру и влиятельных слоев российского общества. Здесь перекрещиваются интересы не только армии, но и тяжелой промышленности, многих областей науки, существенной части высококвалифицированных рабочих и инженеров. Курс на кардинальное сокращение бюджетного финансирования военно-промышленного комплекса — это смелый политический выбор Б.Н. Ельцина исторического масштаба. На этот шаг не посмел пойти М.С. Горбачев. Он испугался и вынужден был покинуть политическую арену. Б.Н. Ельцин не испугался. Но сможет ли он победить в открытой схватке этого монстра — покажет ближайшее будущее. Во всяком случае, чтобы осмелиться бросить перчатку военно-промышленному комплексу, Б.Н. Ельцину пришлось

предварительно политически развалить советскую империю и уже этим фактом деморализовать армию.

Особенность формирования расходов на оборону в трехмесячном (январь—март) бюджете России заключается в том, что восьмикратное сокращение этих расходов было объявлено при полном отсутствии новой военной доктрины и концепции реформы вооруженных сил бывшего Советского Союза.

Тем не менее объем закупок вооружений и военной техники определен в 1992 г. в объеме 5,25 млрд. руб. в ценах 1991 г., что в 8 раз ниже предыдущего года. На первые три месяца эти закупки ограничатся 1,2 млрд. руб. в ценах 1991 г. или 6,6 млрд. руб. в текущих ценах.

Конечно, такое резкое сокращение военных заказов грозит опасностью остановки целых предприятий и массовой безработицей. При этом парадокс нашей милитаризованной экономики заключается в том, что переход к рынку начинается с безработицы наиболее квалифицированных рабочих и инженеров, поскольку их повышенная концентрация наблюдается именно в оборонных отраслях промышленности.

По расчетам правительства, для ослабления социальных последствий сокращения военных заказов, а также для начала работ по конверсии оборонных производств уже в первые три месяца 1992 г. потребуется 20 млрд. руб. Половину этой суммы обещает дать бюджет. Эти деньги предназначены прежде всего для выплаты заработной платы работникам предприятий, остающимся без производственных заказов.

Остальные 10 млрд. руб. правительство предложило изыскать из других источников и создать специальный Фонд конверсии. По всей видимости, оно надеется, что сам военно-промышленный комплекс сумеет заработать себе эту кругленькую сумму за счет распродажи ненужной военной амуниции, продажи оружия другим странам, продажи ноу-хау и т.д. Эти общие рассуждения, к сожалению, не подкреплены никакими расчетами, что априорно закладывает очаг социальной напряженности в процесс дестабилизации экономики.

Третье направление сокращения бюджетного дефицита — реформа системы налогообложения. Основной вид налога, введенный в народное хозяйство с января 1992 г., — налог на добавленную стоимость. Его ставка определена в размере 28%. Кроме того, правительство решило установить еще и налог на прибыль в размере 32%. От налога на прибыль освобождается та ее часть, которая идет на содержание объектов социально-культурной сферы, расширение производства товаров народного потребления, а также проведение природоохранных мероприятий.

Таким образом, мы имеем довольно экзотическое сочетание двух видов налогообложения. При этом то что касается налога на прибыль, то он взимается и с той части прибыли, которая идет на инвестиции (если эти инвестиции не связаны прямо с производством товаров народного потребления).

Сочетание двух налоговых ставок и их размер (28% и 32%) создают очень тяжелый налоговый пресс на производителей. Стремясь подавить инфляцию, правительственные чиновники налоговым прессом ограничивают деловую активность, а следовательно, не стимулируют рост предложения товаров и услуг. Создается замкнутый круг: мероприятия по ограничению платежеспособного спроса приводят к сокращению товарного предложения.

Тем не менее правительство полно оптимизма и определило источники и размеры доходов консолидированного бюджета России на январь—март 1992 г. следующим образом (см. табл. 2).

Полагаю, что после всего вышесказанного табл. 2 в дополнительных комментариях не нуждается. Повторю лишь, что проект поступления доходов в бюджет отражает повышенный и далеко не всегда обоснованный оптимизм составителей бюджета.

В основе этих оптимистических расчетов лежит глубокая вера правительства в эффективность *четвертого* рычага выхода на бездефицитность бюджета и устойчивость денежного обращения: речь идет о либерализации цен.

Как уже отмечалось, именно в этом пункте правительство создало критическую

Структура доходной части бюджета России на I квартал 1992 г.

Статьи доходов государственного бюджета	млрд. руб.	Удельный вес в доходах, %
Налог на добавленную стоимость	140,8	28,2
Налог на прибыль	67,0	13,4
Акцизы	19,3	3,9
Подоходный налог с граждан	19,2	3,8
Налог за пользование природными ресурсами	0,8	0,2
Доходы от внешнеэкономической деятельности	228,0	45,6
Другие доходы	24,3	4,9
Итого доходов	499,4	100,0

ситуацию. Либерализация цен, не подкреплённая приватизацией собственности и монополизацией, вызвала значительно большее социальное напряжение в обществе, чем решительная атака на военно-промышленный комплекс. Но если проблемы, возникшие на "военно-промышленном фланге" фронта реформ, вполне объективны и легко прогнозируемы, то фланг ценовой политики оказался слабым местом почти исключительно по вине самих реформаторов, избравших далеко не лучший план и последовательность действий. Недооценка степени монополизма государственных производственных структур ведет к монопольно высоким ценам при одновременном сокращении производства до уровня, обеспечивающего поддержание высоких цен. Отсюда три последствия: для бюджета — сокращение поступлений в доходную часть; для населения — резкое падение жизненного уровня; для правительства — взрывоопасная социальная обстановка и невозможность сохранить бюджетный дефицит на объявленном уровне 10,8 млрд. руб.

IV. ЧТО ДЕЛАТЬ?

Прежде всего надо исходить из того, что продолжение программы правительства без внесения в нее текущих корректировок обрекает страну на гиперинфляцию. Чтобы избежать ее, нужны сильнодействующие средства. Конечно, необходимо внести коррективы в налоговую политику. Снять налогообложение с части прибыли, направляемой на инвестиции. Далее требуется срочно открыть рынок земли, квартир, домов и другой недвижимости. Ускорить приватизацию в промышленности и торговле. Провести глубокую аграрную реформу, ликвидировать монополизм колхозов и совхозов.

Безусловно необходимо срочно привести законодательство, регулирующее внешне-экономическую деятельность, в соответствие с международными стандартами, создать твердые политические и юридические гарантии для иностранных инвесторов.

Но, чтобы эти шаги дали необходимый эффект, российское правительство должно определить географическое и политическое пространство, на котором осуществляются реформы.

Дело в том, что весь пакет экономических договоренностей СНГ, составленный в декабре 1991 г., был полностью дезавуирован уже в январе 1992 г. Среди этих договоренностей в архив было сдано и соглашение о неприменении республиканских валют по крайней мере до конца 1992 г. Прибалтика, не входящая в СНГ, больше следует этому принципу, нежели один из учредителей — Украина.

Быстрому развалу рублевой зоны будут способствовать два фактора. Во-первых, политические амбиции лидеров новых стран. Монета рассматривается ими как такой же ритуальный символ суверенитета, как гимн, герб, флаг. Во-вторых, главной причиной

подрыва денежной системы выступает гиперинфляционная схема рыночных реформ, принятая российским правительством. Проблема усугубляется еще и тем, что ликвидировав Госбанк СССР, создатели СНГ не приняли никаких решений по учреждению либо центрального банка СНГ, либо межбанковского союза. В результате возник юридический и экономический нонсенс: Россия снабжает своей валютой четырнадцать независимых государств. В этой ситуации внутренне заложен конфликт, который может привести только к экономической войне. И мы уже являемся ее свидетелями. Новое российское руководство приговорило советский рубль к смерти.

Что можно было бы предложить для стабилизации денежной системы в условиях рублевой зоны?

Сейчас реально говорить о создании взаимоувязанной системы национальных валют. Я не исключаю, что 2—3 республики могут договориться иметь общую валюту. Но это не меняет дела. Главное — концентрация усилий на выработке совместной монетарной политики. Есть опасность, что новые государства, образовавшиеся на развалинах СССР, пойдут по губительному пути бывшего Совета экономической взаимопомощи. Создание национальных валют будет происходить в отрыве от решения проблемы их конвертируемости, т.е. вхождения в мировую валютную систему. Задача имеет две стороны: денежная система должна способствовать сохранению (воссозданию) единого экономического пространства и одновременно стимулировать интеграцию в мировой рынок.

В сложившихся политических условиях ведущую роль в стабилизации денежной системы может сыграть Россия. Но и ей на фоне 15--20%-ного спада производства, при плохой конъюнктуре на мировых рынках нефти, газа, золота вряд ли решить эту задачу без поддержки мирового сообщества. Самым идеальным вариантом было бы создание международного проекта по организации денежной системы на востоке Европы. Пока процесс не начал развиваться стихийно, можно образовать валютную цепочку взаимной конвертируемости на базе нового российского рубля. Экономическая привлекательность Восточного платежного союза явилась бы мощным фактором политической стабилизации на территории бывшей советской империи.

Поступила в редакцию
3 II 1992